

RemVoVo

Невидимая

RemVoVo

Невидимая

«Автор»

2026

RemVoVo

Невидимая / RemVoVo — «Автор», 2026

Она — уборщица. Нелегалка. Невидимая. Восемь лет её никто не замечал. Пока однажды ночью она не увидела то, что не должна была. Теперь её ищут все: корпорации, полиция, убийцы. Но она не жертва. Она мать, которая не сдастся. И она готова уничтожить систему, которая считала её пустым местом. Триллер о женщине, которая перестала быть невидимой.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Заказ	5
Глава 2. Невидимая	9
Глава 3. Список	13
Глава 4. Его дом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

RemVoVo

Невидимая

Глава 1. Заказ

В приёмной «Восс Капитал» не было часов. Я это заметил сразу — привычка искать циферблат в незнакомом месте. Ни на стене, ни на стойке, ни на запястье у девушки с планшетом. Только стекло, ковёр и тишина, от которой начинало звенеть в ушах.

Я сел в кресло и стал считать. Двенадцать минут. Тринадцать. Сбился. Стал смотреть на дверь.

Она открылась на девятнадцатой.

— Мистер Хартли? — Девушка улыбнулась, как стюардесса: всё на месте, ничего лишнего. — Мистер Восс примет вас сейчас.

Кабинет был угловой, две стены в стекле. За окном — Темза цвета олова, баржи, огни Саутворка. Я не стал смотреть. Я смотрел на человека за столом.

Восс не встал. Ему было около шестидесяти, он был худой, загорелый не по сезону, в рубашке без галстука. На левом запястье — часы. Значит, в этом здании часы всё-таки были. Просто не для посетителей.

— Садитесь, — сказал он.

Я сел.

— Джек Хартли. Бывший следователь Скотленд-Ярда. — Он читал с листа. — Восемь лет назад ушли. Причина?

— Устал.

— Устают все. — Он поднял на меня глаза. — Уходят не все.

Я не ответил. Он не стал давить. Положил лист на стол и пододвинул ко мне фотографию. Распечатка с камеры, зернистая. Женщина в форме уборщицы, тёмные волосы убраны назад, взгляд в пол.

— Елена. Фамилия — несколько вариантов, ни один не подтверждён. Работала в клининговой компании, которая обслуживает наш офис. Четыре дня назад не вышла на смену.

— Пропала?

— Ушла. — Восс сцепил пальцы. — Разница есть.

— Что она взяла?

Он посмотрел на меня долго. Я ждал «не задавайте вопросов». Он сказал другое:

— Она взяла то, что ей не принадлежит. Но и нам не принадлежит. Это самое неприятное. Я ждал продолжения. Его не было.

— Найдите её. Верните то, что она взяла. Остальное вас не касается.

— Кто ещё её ищет?

Он чуть улыбнулся. Не мне — себе.

— Хорошо. — Открыл ящик, достал конверт, положил передо мной. — Аванс. Остальное — когда найдёте. Неделя. Может, меньше.

— Почему я? У вас есть служба безопасности.

— Потому что моя служба безопасности уже ищет. — Он встал. Разговор был окончен. — И потому что вы никому не расскажете. Это ваша главная квалификация, мистер Хартли.

Я вышел. Девушка с планшетом проводила меня до лифта, пожелала хорошего дня. Я не ответил.

В лифте открыл конверт. Внутри было больше, чем я ожидал. Значительно больше. Сумма, за которую можно полгода не работать. Или год, если не пить.

Лифт шёл вниз, и я смотрел на своё отражение в зеркальной стенке. Сорок пять. Седые виски, которые я перестал закрашивать два года назад. Пальто, которое пора выбросить. Человек, который берётся за дела, потому что не может позволить себе не браться.

Я подумал о женщине на фотографии. Взгляд в пол. Люди, которые смотрят в пол, научились быть невидимыми. Их не замечают. Их не запоминают. Их не ищут, пока они не сделают что-то не так.

Что нужно было увидеть человеку, который всю жизнь учился не смотреть, чтобы он всё-таки посмотрел?

Я вышел на улицу, закурил и набрал Барри.

— Клининговая компания «Арклеар». Ночная смена. Женщина по имени Елена. Румынка.

— Ты во что влез?

— Пока не знаю. Скинь на почту всё, что есть.

— Джек. — Он помолчал. — Ты помнишь дело Ханны Мэй?

Я не ответил сразу.

— Просто ответь.

— Помню, — сказал я. — Ты не виноват.

— Знаю, — сказал я. — Иногда забываю.

Сбросил. Пошёл к машине.

Илфорд в ноябре — не место, а состояние. Мокрый асфальт, оранжевые фонари, ряды домов, которые когда-то что-то значили, а теперь просто стоят. Я припарковался на Холланд-роуд. Дом семнадцать. Три звонка. Нажал все три. Никто не открыл.

Я не стал ломиться. Отошёл на другую сторону, прислонился к фонарю. Свет зажёгся на втором этаже минут через двадцать. Потом дверь открылась, вышла женщина лет сорока, в куртке поверх халата, с пакетом мусора.

Я перешёл улицу.

— Извините.

Она вздрогнула. Я знал, что вздрогнет. Люди в таких домах не любят незнакомцев. Особенно мужчин. Особенно вечером.

— Я ищу Елену.

Она посмотрела на меня быстро, оценивающе.

— Вы из полиции?

— Нет.

— Тогда кто?

— Человек, который хочет найти её раньше других.

Она помолчала.

— Её нет. Четыре дня.

— Знаю. Мне нужно посмотреть её комнату.

— Зачем?

Я мог соврать. Сказать, что я её друг, что она просила забрать вещи. Но сказал правду:

— Потому что я не знаю, что происходит. И хочу понять.

Она смотрела на меня ещё секунду. Потом вздохнула:

— Ана. Мы вместе работаем. Работали. — Открыла дверь шире. — Заходите. Только быстро.

Внутри пахло вареной капустой и стиральным порошком. Коридор, лестница, ковёр, который помнит лучшие времена. Комната Елены — в конце второго этажа. Маленькая. Кровать, стол, шкаф, окно во двор.

Кровать заправлена. Шкаф открыт, пуст, вешалки покачиваются. На столе ничего.

— Она собралась?

— Не знаю. — Ана стояла в дверях. — Пришла, а её нет. Дверь открыта. Вещей нет. Я подумала — уехала. Бывает.

— Она бы уехала, не попрощавшись?

Ана не ответила. Это был ответ.

Я подошёл к столу. Провёл рукой по столешнице. Пыли не было. Она недавно вытирала. Даже когда убегаешь, привычка остаётся.

Открыл ящик. Квитанции, старая зажигалка, моток ниток. В самом углу, под квитанциями, — блокнот. Тонкий, в клетку, из супермаркета за фунт.

Я вытащил его.

— Это её?

— Не видела.

Я открыл. Первые страницы пустые. Потом почерк. Мелкий, аккуратный, ровные строки. Румынский. Даты, цифры, названия улиц. И одно слово, повторяющееся несколько раз, обведённое кружком.

Я набрал его в переводчике. «Выход».

Перелистнул дальше. Схема. Прямоугольник, разделённый на квадраты. Этажи. Стрелки. Крестики. Я узнал его не сразу. Потом узнал. План небоскрёба. Того самого этажа, где я был час назад.

Я смотрел на схему и стоял не двигаясь. Она знала. Она готовилась. Не четыре дня. Дольше. Может, недели. Может, месяцы.

— Что там? — спросила Ана.

— Ничего. Адреса.

Она не поверила. Но не стала спорить.

Я закрыл блокнот и сунул во внутренний карман. Это было неправильно. Это было присвоение. Но я не собирался отдавать его никому.

Я обернулся. И тогда увидел. На стене, у самой кровати, за выключателем — уголок бумаги. Я подошёл, отогнул. Фотография. Маленькая, помятая, приклеенная скотчем. Девочка лет десяти, тёмные волосы, серьёзные глаза. Смотрит в камеру. Не в пол.

Я смотрел на неё долго. Потом отпустил бумагу. Она вернулась на место.

Я не забрал её.

— Она говорила о ком-нибудь? — спросил я. — О мужчине? О ком-то, кого боялась?

— Елена никого не боялась, — сказала Ана. — Она была тихая. Как мышь. Никто её не замечал. Она это специально.

— Почему?

— Потому что так безопаснее. — Ана посмотрела мне в глаза. — Вы знаете, сколько нас здесь таких? Румынок, болгарок, полячек? Мы невидимые. Нас не видят, пока мы не сделаем что-то не так. Тогда нас видят. И тогда всё.

Она замолчала. Я не стал спрашивать, что «всё».

Я вышел из комнаты. На лестнице обернулся.

— Если она позвонит — не говорите никому, что я приходил. И скажите ей, что её ищет человек, который не хочет ей зла.

Ана усмехнулась.

— Все так говорят.

— Знаю, — сказал я. — Но это правда.

Она закрыла дверь.

Я вышел на улицу. Дождь висел в воздухе. Я закурил и достал блокнот. Открыл на схеме. Посмотрел на стрелки, на крестики. Она не просто видела что-то. Она шла туда специально. В эту ночь. На этот этаж.

Я поднял голову. В окне дома напротив горел свет. Кто-то стоял у стекла. Не двигался. Смотрел.

Я не стал махать. Не стал отворачиваться. Просто стоял и смотрел в ответ. Через несколько секунд свет погас.

Я убрал блокнот, достал телефон, набрал Барри.

— Мне нужен ещё один человек. Из клининговой компании. Кто-то, кто работал с ней в ту ночь. Не Ана.

— Зачем?

— Хочу знать, что она видела.

— Ты сказал, что не задаёшь вопросов.

— Я соврал.

Сбросил. Сел в машину. Завёл двигатель и сидел, не трогаясь с места, пока стекло не запотело. Потом поехал. Медленно. Думая о женщине, которая восемь лет училась быть невидимой. И о том, что она увидела такого, из-за чего больше не смогла оставаться в тени.

Глава 2. Невидимая

Клининговая компания «Арклеар» занимала подвал в Паддингтоне. Не офис — каморку. Стол, два стула, шкаф с папками, запах хлорки. Менеджершу звали Маргарет. Ей было под пятьдесят, и она смотрела на меня так, будто я пришёл отбирать у неё последнее.

— Полиция уже была, — сказала она.

— Я не полиция.

— Тем хуже.

Она не предложила сесть. Я сел сам.

— Елена. Ночная смена. Мне нужно всё, что у вас есть.

— У нас ничего нет. Она работала, потом перестала. Бывает.

— Она уволилась?

— Не уволилась. Просто не пришла.

— Вы звонили ей?

— Звонили. Телефон выключен.

— Домашний адрес?

— Илфорд. Но вы, наверное, уже знаете.

Я не стал спрашивать, откуда она знает, что я знаю. В таких местах слухи движутся быстрее, чем документы.

— Кто работал с ней в ту ночь?

Маргарет помолчала. Потом открыла ящик, достала папку, полистала.

— Три человека. Ана — вы, наверное, уже с ней говорили. Мария. И Кшиштоф.

— Поляк?

— Поляк. Работает у нас два года. Сейчас на смене.

— Где?

— В том же здании. «Восс Капитал». Этаж сорок два.

Я кивнул. Встал.

— Если она позвонит...

— Если она позвонит, я скажу ей, чтобы шла в полицию, — отрезала Маргарет. — Я не хочу проблем.

— Уже поздно, — сказал я. — Проблемы у вас есть. Просто вы их ещё не видите.

Она ничего не ответила. Я вышел.

Небоскрёб «Восс Капитал» днём выглядел иначе. Утром я видел его изнутри, сквозь стекло и ковры. Теперь я стоял снаружи, на площади, и смотрел вверх. Сорок два этажа. Тысячи окон. Люди входят и выходят, пьют кофе, говорят по телефону, не поднимая головы. Никто из них не знает, что четыре дня назад здесь что-то произошло.

Я вошёл через главный вход. Охрана, рамка, бейдж для посетителей. Я сказал, что иду в клининговую службу. Меня пропустили.

Служебный лифт — в конце коридора, за дверью с надписью «Только для персонала». Я нажал кнопку. Лифт пришёл пустой, грузовой, с зеркальной стенкой, как в морге. Я поднялся на сорок второй.

Двери открылись. Я вышел в коридор, который не видел утром. Здесь не было ковров. Бетон, лампы дневного света, тележки с моющими средствами. Пахло лимоном и хлоркой.

Кшиштоф был в комнате для персонала. Мужчина лет тридцати пяти, широкоплечий, в синем комбинезоне. Он сидел за столом и ел бутерброд. Увидел меня — перестал жевать.

— Вы кто?

— Джек Хартли. Частный детектив. Ищу Елену.
Он отложил бутерброд. Вытер руки о штаны.
— Полиция уже была.
— Знаю. Я не полиция.
— Тогда зачем?
— Хочу понять, что она видела.
Кшиштоф помолчал. Потом сказал:
— Ничего она не видела.
— Откуда знаете?
— Потому что я был там. В ту ночь. Мы работали вместе. Она мыла полы на сорок втором, я — на сорок первом. Я ничего не видел.
— А она?
— Она ушла раньше. Сказала, что плохо себя чувствует. Я не придавал значения.
— Во сколько?
— Около двух. Может, половина третьего.
— Куда она пошла?
— Вниз. К служебному выходу.
— Одна?
— Одна.
Я смотрел на него. Он смотрел на меня. Спокойно. Слишком спокойно.
— Вы давно её знаете?
— Года три. Может, четыре. Она тихая. Никогда не разговаривала. Просто делала работу.
— У неё были враги?
— У неё не было никого. Понимаете? Совсем никого. Она была как... — он поискал слово, — как тень.
— Тени тоже иногда замечают, — сказал я.
Он не ответил. Взял бутерброд и снова начал жевать. Разговор был окончен.
Я вышел в коридор. И остановился.
Если Елена ушла в половине третьего, почему она не вышла на смену через день? И почему её комната выглядела так, будто она собиралась — но не успела?
Я достал блокнот. Открыл на схеме. Стрелки, крестики. Я смотрел на них, пока не понял, что мне это напоминает. Маршрут. Не план этажа — маршрут движения. От служебного лифта до переговорной. Потом до окна. Потом вниз.
Она не просто мыла полы. Она шла по конкретному пути.
Я убрал блокнот и пошёл к лифту. Мне нужно было посмотреть записи камер.

Охранник в будке на первом этаже звали Том. Молодой, лет двадцати пяти, с прыщами и нервным взглядом. Он не хотел со мной говорить.

— Мне нужны записи с камер. Ночь, четыре дня назад. Сорок второй этаж.

— У вас есть ордер?

— У меня есть деньги.

Он посмотрел на меня. Потом на конверт, который я достал. Потом снова на меня.

— Я не могу.

— Можешь. Просто включи и отойди.

Он колебался. Потом взял конверт, сунул в карман и сел за монитор.

— Какой этаж?

— Сорок второй. И служебный выход на первом.

Он защёлкал мышью. На экране появилась картинка: пустой коридор, лампы, тележка. Время в углу: 01:47.

— Это сорок второй, — сказал Том. — Ночь с воскресенья на понедельник.

Я смотрел. Коридор был пуст. Потом появилась фигура. Женщина, тёмные волосы, форма уборщицы. Елена. Она шла быстро, не оглядываясь. В руке — телефон. Она остановилась у переговорной, посмотрела в стекло. Потом подняла телефон и начала снимать.

— Вот, — сказал я. — Стоп.

Том остановил запись.

— Что там?

— Она снимает.

— Кого?

Я присмотрелся. За стеклом переговорной были люди. Двое мужчин. Один — в костюме, спиной к камере. Другой — лицом. Я не знал его, но что-то в нём было знакомое. Что-то в осанке, в том, как он стоял.

Потом в кадре что-то произошло. Мужчина в костюме резко повернулся. И Елена отшатнулась от стекла.

— Дальше, — сказал я.

Том прокрутил. Елена исчезла из кадра. Через несколько секунд она появилась снова — уже в другом конце коридора, бежала к лифту. Телефон она держала в руке.

— Служебный выход, — сказал я. — Первый этаж.

Том переключил камеру. Пустой коридор, дверь с надписью «Выход». Елена появилась через минуту. Она вышла, оглянулась. Потом открыла дверь и исчезла.

Время: 02:11.

— Всё, — сказал Том. — Дальше ничего.

— Она что-нибудь несла?

— Не вижу.

— Сумку? Телефон?

— Телефон в руке. Сумки нет.

Я кивнул. Посмотрел на Тома.

— Кто-нибудь ещё спрашивал про эти записи?

Он отвёл глаза.

— Полиция.

— А кроме полиции?

Он молчал.

— Том.

— Приходили двое, — сказал он тихо. — Вчера. Спрашивали про уборщицу. Я сказал, что не знаю.

— Как они выглядели?

— Обычные. Костюмы. Один седой.

Восс. Или кто-то от него.

— Они смотрели записи?

— Нет. Просто спросили. Я сказал, что камеры работают только сутки. Старые стираются.

— Они проверили?

— Кажется.

Я смотрел на него. Он врал. Или не врал. Я не мог понять.

— Спасибо, Том.

Я вышел из будки. Остановился в вестибюле. Достал блокнот. Открыл на схеме. Посмотрел на маршрут: лифт — коридор — переговорная — лифт — служебный выход. Она знала, куда шла. Она готовилась. И она снимала.

Что она сняла на телефон? И где он сейчас?

Я поднял голову. За окном темнело. Люди выходили из здания, спешили к метро. Никто не смотрел на меня. Никто не знал, что я здесь.

Я набрал Барри.

— Мне нужен список всех, кто работал в «Восс Капитал» на сорок втором этаже. Не уборщики. Сотрудники. Кто был там в ту ночь.

— Джек, это корпорация. Они не дадут список.

— Не дадут официально. Ты найди неофициально.

— Ты понимаешь, что ты просишь?

— Понимаю.

Он помолчал.

— Дай мне день.

— У меня нет дня.

— Тогда два.

Я сбросил. Вышел на улицу. Дождь. Я закурил и стоял под козырьком, глядя на огни города. Где-то там, в одном из этих окон, был человек, которого снимала Елена. Человек, который убил или сделал что-то хуже. И он знал, что она снимала.

Я докурил. Бросил окурочек в урну.

И тогда зазвонил телефон. Незнакомый номер.

Я ответил.

— Мистер Хартли? — Голос женский, тихий, с акцентом. — Это Ана. Она звонила. Елена. Она звонила мне.

Я замер.

— Когда?

— Час назад. Она просила передать вам.

— Что?

Ана помолчала. Потом сказала:

— Она сказала: «Скажи ему, что я не отдам. Никому».

— И всё?

— И ещё. — Ана вздохнула. — Она сказала, чтобы вы не искали её. Потому что если найдёте — она умрёт.

Я стоял под дождём и слушал, как в трубке шумит её дыхание.

— Ана. Вы знаете, откуда она звонила?

— Нет. Номер скрыт.

— Она сказала что-нибудь ещё?

— Нет. Просто передать. И сбросила.

Я закрыл глаза. Открыл.

— Спасибо, Ана.

— Мистер Хартли?

— Да?

— Она боится. Я слышала по голосу. Она очень боится.

Я сбросил. Убрал телефон. Закурил вторую сигарету. Стоял и смотрел, как дождь размывает огни.

Она не хочет, чтобы её нашли. Но она позвонила. Значит, она всё ещё надеется, что кто-то поймёт.

Я понял.

Я поехал домой. Мне нужно было подумать.

Глава 3. Список

Дома я не стал включать свет. Сел у окна, достал блокнот и разложил его на подоконнике. Уличный фонарь давал достаточно, чтобы видеть схему.

Я смотрел на неё двадцать минут. Курил. Не торопился.

Маршрут: служебный лифт — коридор — переговорная — лифт — выход. Всё сходилось. Но был один крестик, который не вписывался. Он стоял не в переговорной. Он стоял на кабинете, который находился рядом. Я сверился с планом этажа, который скачал в интернете. Кабинет 4212. Финансовый отдел.

Я не знал, что это значит. Но Елена знала. Она отметила этот кабинет не просто так.

Я закрыл блокнот. Лёг. Не спал.

Утром я был у небоскрёба в восемь. Не через главный вход — через подземный паркинг. Служебная дверь, которую я заметил вчера, была открыта. Я поднялся на грузовом лифте. Тот же бетонный коридор, те же лампы дневного света, тот же запах лимона.

Переговорная была заперта. Я не стал ломать. Я просто стоял и смотрел через стекло. Внутри — стол, стулья, графин с водой. Ничего. Но на стекле, с внешней стороны, я заметил след. Тонкий, почти невидимый. Как будто кто-то прижимался к стеклу. Пальцами.

Я достал телефон, сфотографировал. Потом пошёл дальше по коридору. Кабинет 4212. Дверь была приоткрыта. Я толкнул.

Внутри — пусто. Стол, компьютер, кресло. Никаких бумаг. Никаких личных вещей. Как будто здесь никто никогда не работал. Я провёл рукой по столешнице. Пыли не было. Кто-то вытирал. Недавно.

— Вы кто?

Я обернулся. В дверях стояла женщина в форме уборщицы. Лет пятидесяти, усталое лицо, руки в перчатках. Мария.

— Джек Хартли. Частный детектив.

— Полиция уже была.

— Знаю. Я не полиция.

Она не ушла. Стояла и смотрела.

— Вы ищете Елену, — сказала она. Не вопрос.

— Да.

— Она хорошая. Не такая, как все.

— Что вы имеете в виду?

Мария оглянулась. Потом шагнула в кабинет и прикрыла дверь.

— Она не просто мыла полы. Она слушала. Всегда слушала. И запоминала.

— Что она слушала?

— Всё. Кто что говорит. Кто с кем ругается. Кто кому платит.

— И что она делала с этим?

Мария посмотрела на меня. Долго.

— Я не знаю. Но она записывала. В блокнот. — Она показала руками размер. — Маленький. В клетку.

Я не сказал, что блокнот у меня. Не сказал, что уже видел его.

— Вы знаете, что она видела в ту ночь?

— Нет. Она мне не говорила. Только сказала, что нашла что-то. Что-то важное. И что теперь она в опасности.

— Когда она это сказала?

— За день до того, как исчезла. — Мария помолчала. — Она попросила меня никому не говорить. Я никому не сказала. Только вам.

— Почему мне?

— Потому что вы пришли. Полиция приходила, но они не искали. Они просто спрашивали. А вы ищите.

Она открыла дверь и вышла. Я остался один.

Я посмотрел на стол. Компьютер. Я нажал кнопку. Экран загорелся. Запрос пароля. Я не стал взламывать. Не сейчас.

Я вышел в коридор. Мария уже исчезла. Я достал телефон и набрал Барри.

— Список.

— Есть, — сказал он. — Скинул на почту. Но, Джек...

— Что?

— Там один человек. Майкл Рен. Финансовый директор. Он уволился три дня назад.

— После того, как Елена исчезла.

— В тот же день.

Я сбросил. Открыл почту. Список сотрудников, которые были на 42-м этаже в ту ночь. Двадцать три имени. Я нашёл Рена. Майкл Рен, 48 лет, финансовый директор. Уволен по собственному желанию. Адрес в Ричмонде.

Я поехал туда.

Дом Рена стоял в конце тихой улицы. Двухэтажный, кирпичный, с садом. Я припарковался в квартале от него, не стал подъезжать близко. Пошёл пешком.

Дверь была заперта. Я обошёл дом. Задняя дверь тоже заперта. Но окно на первом этаже было приоткрыто. Я поддел раму, открыл. Залез внутрь.

Внутри — тишина. Пахло пылью и чем-то ещё. Чем-то химическим. Я прошёл в гостиную. Мебель на месте. Телевизор, диван, книги. Но на полу — следы. Кто-то ходил здесь. Много людей. Грязь от ботинок. Я присел. Отпечатки свежие. Не больше суток.

Я поднялся на второй этаж. Спальня. Шкаф открыт. Вещи разбросаны. Кто-то искал. Быстро. Неаккуратно. Я прошёл в кабинет. Стол, компьютер, полки. Всё перевёрнуто. Ящики выдвинуты, бумаги на полу. Я присел, стал смотреть. Счета, письма, банковские выписки. Ничего личного. Ничего, что указывало бы на Елену.

Я уже собирался уходить, когда услышал. Телефон. Не свой. Где-то в доме. Я пошёл на звук. В спальне, на тумбочке, лежал второй телефон. Простой, кнопочный. Экран светился. Незнакомый номер.

Я не стал отвечать. Просто смотрел. Телефон звонил ещё секунду, потом замолчал. Через минуту пришло сообщение. Я открыл.

«Ты опоздал. Она у нас. Жди инструкций».

Я смотрел на экран. Потом убрал телефон в карман. Вышел из дома. Сел в машину.

И только тогда понял: это сообщение было не для Рена. Рен уже мёртв. Или исчез. Это сообщение было для того, кто придёт. Для меня.

Я завёл двигатель. Посмотрел в зеркало. На улице, в конце квартала, стояла машина. Тёмная. Не двигалась.

Я поехал. Машина не тронулась с места.

Я вернулся в Лондон, но домой не поехал. Припарковался у парка, вышел, сел на скамейку. Достал блокнот. Открыл на схеме. Посмотрел на крестик у кабинета 4212. Потом на слово «Выход», обведённое кружком.

Она знала. Она готовилась. Она снимала. И она видела что-то в кабинете Рена. Или рядом с ним.

Я достал телефон. Набрал Ану.

— Это Джек.

— Она не звонила больше, — сказала Ана быстро. — Я бы сказала.

— Знаю. Я не про неё. Вы знали Майкла Рена?

Пауза.

— Кого?

— Майкл Рен. Финансовый директор. Работал на 42-м этаже.

— Я не знаю имён. Мы не знаем имён. Мы просто убираем.

— Елена знала.

Ана молчала.

— Ана.

— Она говорила о каком-то человеке, — сказала она тихо. — Не по имени. Просто «он».

«Он делает плохие вещи». Я не спрашивала.

— Когда она это говорила?

— За неделю. Может, две. Она была напугана.

— Почему вы не сказали мне вчера?

— Потому что вы не спросили.

Я закрыл глаза. Открыл.

— Спасибо, Ана.

— Мистер Хартли?

— Да?

— Будьте осторожны. Она говорила, что он опасен. Не просто опасен. Она говорила, что он... — Ана запнулась. — Что он не человек.

Я сбросил. Убрал телефон. Сидел и смотрел, как в парке играют дети. Обычный день. Обычные люди.

Я достал блокнот. Открыл на последней странице. Там, в самом углу, мелким почерком, было написано что-то по-румынски. Я не заметил этого раньше. Я набрал в переводчике.

«Если я исчезну — ищи в доме. Не в моём. В его».

Я закрыл блокнот. Убрал в карман. Встал.

Я знал, куда идти. Я не знал, что там найду.

Глава 4. Его дом

Сообщение на чужом телефоне я перечитал три раза. «Ты опоздал. Она у нас. Жди инструкций».

Логика не сходилась. Если Елена у них, зачем говорить мне? Если они хотят её убить, они бы просто убили и исчезли. Тот, кто отправляет такие сообщения, хочет чего-то от получателя. Значит, я был им зачем-то нужен. Или они блефовали.

Я сидел в машине у парка и смотрел, как дети играют в футбол. Обычный день. Обычные люди. Никто из них не знал, что в этом городе кто-то охотится на уборщицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.